Делец

Автор:
Оноре Бальзак

Делец

Оноре де Бальзак

В комедии «Делец» изображается битва человека с кредиторами и уловки, к которым он прибегает, чтобы ускользнуть от них. С большой сатирической остротой изображает автор окружение Меркаде: темных дельцов, биржевых зайцев, ростовщиков, аферистов – словом, всю накипь буржуазного общества.

Оноре де Бальзак

Делец

Комедия в пяти действиях

Действующие лица:

Огюст Меркаде, делец.

Г-жа Меркаде.

Жюли, их дочь.

Адольф Минар, бухгалтер.

Мишонен де ла Брив, молодой франт.

Де Мерикур, молодой человек.

Бредиф, домовладелец.

Бершю, биржевой заяц.

Верделен, друг Меркаде.

Гуляр, коммерсант, кредитор Меркаде.

Пьеркен, ростовщик, кредитор Меркаде.

Виолет, деловой посредник, кредитор Меркаде.

Жюстен, лакей.

Тереза, горничная.

Виржини, кухарка.

Действие происходит в 1839 году. Сцена представляет гостиную Меркаде.

Действие первое

Явление первое

Бредиф, потом Меркаде.

Бредиф. Квартира в одиннадцать комнат, в самом центре Парижа, на улице Грамон! И всего за две с половиной тысячи! На этом деле я теряю по три тысячи в год… И так с самой Июльской революции! Ах, главное неудобство революций – это резкое падение квартирной платы, которая… Нет, не следовало мне заключать контракта в тысяча восемьсот тридцатом году! К счастью, Меркаде не платит за квартиру уже полтора года, мебель описана, а если продать ее…

Меркаде(слышавший последние слова). Продать мою мебель! Вы и встали-то, должно быть, спозаранку только для того, чтобы насолить своему ближнему?

Бредиф. Боже упаси, какой же вы мне ближний, господин Меркаде? Вы весь в долгах, а я никому ни гроша не должен. Я в своем собственном доме, а вы – мой жилец.

Меркаде. Да, равенство было и останется пустым звуком! Мы так и будем вечно разбиты на две касты: на должников и кредиторов, которых так остроумно прозвали англичанами[1 - …англичане – старинное народное прозвище жестоких кредиторов.]. Ну, будьте же французом, дорогой господин Бредиф, – и помиримся на этом!

Бредиф. Я предпочел бы помириться на получении денег, дорогой господин Меркаде.

Меркаде. Из всех моих кредиторов вы один располагаете залогом… так сказать, реальным залогом. В течение полутора лет вы тщательнейшим образом, вещь за вещью, описали всю мою обстановку. Она даст вам не менее пятнадцати тысяч, а посему квартирную плату за два года я буду должен лишь… через четыре месяца.

Бредиф. А проценты? Значит, пропадают?

Меркаде. Добивайтесь через суд. Я не буду противодействовать.

Бредиф. Дорогой мой господин Меркаде, я ведь спекуляциями не занимаюсь. Я довольствуюсь своими доходами; подумайте-ка, если бы все жильцы мои были вроде вас… Да что тут толковать. Довольно я терпел…

Меркаде. Как, дорогой господин Бредиф? Неужели у вас действительно хватит жестокости выгнать меня? Я живу у вас уже одиннадцать лет! Вы знаете все мои горести, вы видели, как я бился… Наконец, для вас не секрет, что я стал жертвой мошенничества, что Годо…

Бредиф. Уж не собираетесь ли вы еще раз изложить историю бегства вашего компаньона? Мне она известна и всем вашим кредиторам тоже. Кроме того, господин Годо…

Меркаде. Годо! Ах, когда стали выводить в романах знаменитого Робера Макэра[2 - Робер Макэр – герой пьесы Антье, Сент-Амана и Полианта «Адретская гостиница»; тип пройдохи, хвастуна, вора и убийцы.], я было подумал, уж не списали ли его авторы с Годо.

Бредиф. Не оговаривайте зря своего компаньона! Годо был человек редкостной энергии и к тому же умел пожить! Состоял в связи с милой женщиной… просто прелестной…

Меркаде. Прижил от нее ребенка и бросил его…

Бредиф. Так ведь Дюваль, ваш бывший кассир, внял мольбам очаровательной дамы и взял юношу к себе.

Меркаде. А Годо взял себе нашу кассу.

Бредиф. Он позаимствовал у вас полтораста тысяч франков… силою, правда, но зато оставил вам все прочие ценности… и вы могли продолжать дела… А за восемь лет вы добились многого. На вашей стороне победа…

Меркаде. Пиррова победа! Для нас, деловых людей, это не в диковинку.

Бредиф. Но ведь господин Годо обещал принять вас равноправным компаньоном в дело, которое он намерен основать в Индии. Он вернется…

Меркаде. В таком случае подождите. Ведь сверх квартирной платы вы получите еще и проценты, – чем же плохое помещение капитала?

Бредиф. Ваши доводы весьма убедительны. Но если бы домовладельцы стали слушать своих жильцов, то жильцы расплачивались бы одними посулами, однако правительство…

Меркаде. При чем тут правительство?

Бредиф. Правительство требует уплаты налогов, от него посулами не отделаешься. А потому я, к великому моему сожалению, вынужден действовать решительно.

Меркаде. Не может быть! А я-то считал вас таким добряком! Разве вы не знаете, что я выдаю дочь замуж? Дайте устроить свадьбу, я вас приглашу… хорошо? Супруга ваша потанцует… Может быть, я завтра же рассчитаюсь с вами!

Бредиф. То завтра, а то сегодня. Мне отнюдь не хочется вспугнуть вашего зятька… Однако третьего дня вы, кажется, получили некоторую сумму, и если вы не заплатите мне нынче же, – завтра будут назначены торги…

Меркаде. Значит, вы намерены продать мне свое благодеяние, ибо с помощью этой описи вы обезвреживаете остальных моих кредиторов. Так сколько же вы желаете за трехмесячную отсрочку?

Бредиф. Строгая щепетильность, пожалуй, возроптала бы против такого сообщничества, пусть невольного, ибо я помогаю вам вводить в заблуждение…

Меркаде. Кого?

Бредиф. Вашего будущего зятя.

Меркаде(в сторону). Экий плут!

Бредиф. Но я человек добрый, откажитесь от права сдавать квартиру от себя – и я на три месяца оставлю вас в покое.

Меркаде. Человек в беде, словно ломоть хлеба, брошенный в рыбный садок: каждая рыба норовит урвать себе кус. А кредиторы – настоящие щуки. И угомонятся они только тогда, когда сам должник исчезнет, как кусочек

хлебца. Сейчас как будто тысяча восемьсот тридцать девятый год. Следовательно, контракту моему осталось еще семь лет; квартирная плата теперь удвоилась…

Бредиф. К счастью для нас.

Меркаде. Итак, через три месяца вы меня выгоните, и жена моя лишится права сдать квартиру, на что она рассчитывает в случае…

Бредиф. Банкротства!

Меркаде. Что за выражение! Порядочные люди его просто слышать не могут! Знаете ли вы, господин Бредиф, что развращает даже самых честных должников? Сейчас скажу: развращает их коварная ловкость иных кредиторов, которые готовы всячески обходить законы, чуть ли не воровать, лишь бы вернуть хоть жалкие гроши…

Бредиф. Сударь, я явился к вам за деньгами, а не за рассуждениями, нестерпимыми для человека честного.

Меркаде. О, долги! Люди считают, что долги чуть ли не хуже преступления… Но преступление хоть дает вам казенный кров, а долг выкидывает вас вон, на улицу. Я заблуждался, сударь. Действуйте, как знаете. Я откажусь от права сдавать комнаты.

Бредиф(в сторону). Согласись он по доброй воле, я пощадил бы его. Но заявить прямо в глаза, что я ему продаю… (Вслух.) Сударь, подобное согласие меня не удовлетворяет… Не такой я человек, чтобы мучить других.

Меркаде. Вы хотите, чтобы я вас еще и благодарил? (В сторону.) Не стоит его сердить. (Вслух.) Быть может, я погорячился, дорогой господин Бредиф, но меня так жестоко преследуют! И ни один из моих кредиторов не желает понять, что борюсь я именно для того, чтобы иметь возможность расплатиться с ним.

Бредиф. То есть чтобы иметь возможность вести дела…

Меркаде. Не спорю, сударь! Что сталось бы со мною, если бы я лишился права бывать на бирже?

В дверях показывается Жюстен.

Бредиф. Покончим же с делом…

Меркаде. Ради бога ни слова при слугах. Я и так с трудом поддерживаю порядок в доме… Спустимся к вам.

Бредиф(в сторону). Итак, через три месяца квартира моя.

Явление второе

Жюстен, потом Виржини и Тереза.

Жюстен. Экий бедняга господин Меркаде! Как ни барахтайся – все равно потонет! Хоть и прибыльно служить у господ, попавших в беду, однако теперь самое время уходить, то есть добиться, чтобы тебя выгнали вон; ведь мне не платят жалованье целый год. А домовладелец, кажется, собирается вытурить нас всех на улицу. Неуважение к хозяину распространяется и на слуг. Теперь хочешь не хочешь, а рассчитывайся за все покупки наличными. Это мне совсем не с руки.

Тереза. А когда же этому конец, господин Жюстен?

Виржини. Приходилось мне служить у разных господ, а такой семейки я еще не видывала. Брошу-ка я сковороды да кастрюли и пойду в театр комедии представлять.

Жюстен. А здесь чем не театр? С утра до вечера комедии разыгрываем…

Виржини. И то правда! То кредитор явится. Изволь тогда изображать удивление, словно ты с луны свалилась: «Как, сударь, да разве вы не знаете?» «Чего не знаю?» «Что господин Меркаде уехали в Лион». «Уехал?» «Да, у них там очень выгодное дело; они открыли залежи каменного угля». «Тем лучше, тем лучше! А когда же он вернется?» «Вот этого мы не знаем». То прикинешься, будто потеряла самое дорогое на свете…

Жюстен(в сторону). То есть деньги.

Виржини. «Хозяин и дочка в большом горе. Говорят, барыня долго не протянет, ее повезли на воды…» «Ах, вот как?»

Тереза. А у меня для всех одна песенка: «Вам нужен господин Меркаде?» «Да, мадемуазель». «Нет его!» «Как нет?» «Так вот и нет, а если вы к мадемуазель, – так она одна». И кредитор наш наутек! Бедняжка барышня. Будь она у нас покрасивее, из нее можно бы сделать… кое-что.

Жюстен. Беда в том, что иной кредитор говорит с нами так, словно мы хозяева.

Виржини. Не пойму, какая такая выгода быть кредитором? Как посмотришь – ходят они, ходят, бегают, горемычные, высуня язык, караулят барина по целым часам не шелохнувшись, слушают, что он им говорит.

Жюстен. Нет, не скажите. Ремесло неплохое! Все они богачи!

Тереза. Как же так? Ведь они дали свои денежки господину Меркаде, а он их не возвращает.

Виржини. Так это же – воровство!

Жюстен. Брать взаймы еще не значит воровать, Виржини. Это выражение грубое. Слушайте! Скажем, я залезу к вам в карман без вашего ведома – вот это будет воровство. Но если я прямо скажу: «Виржини, мне нужно пять франков; одолжите их мне». Вы их мне дадите, а я вам не возвращаю денег, я нахожусь в стесненных обстоятельствах и отдам их вам позже; вот вы и становитесь моей кредиторшей. Поняли, красавица?

Виржини. Нет. Что хотите говорите, а денежки мои вы все равно у меня отобрали. Вот мне причитается жалованье – пойду сейчас и потребую его, да кстати и по заборной книжке счет подведу. Теперь уж и лавочники не хотят товар отпускать без денег. А своих я не одолжу, держи карман шире.

Тереза. Я тут разок-другой надерзила барыне, а она будто и не слышит.

Жюстен. Давайте потребуем, чтобы нам заплатили жалованье.

Виржини. Да разве это господа? Настоящие господа на стол много тратят.

Жюстен. И к слугам своим привязаны.

Виржини. И назначают им по завещанию пенсию. Вот какие бывают настоящие господа… в отношении слуг…

Тереза. Здорово сказано, кума. Ну, а я отсюда пока уходить не собираюсь. Хочу узнать, чем все это кончится, – больно уж занятно. Барышнины письма я все читаю, милого ее подзадориваю – она, небось, выйдет за него, за Минара-то. И отец, небось, уж знает. Недаром заказали платья, чепцы, шляпки – словом, всяких нарядов и для барыни и для дочки, а купцы-то ничего в долг и не отпускают.

Виржини. Если будет свадьба, так все мы получим наградные; значит, уходить до свадьбы расчета нет.

Жюстен. Неужто вы думаете, что господин Меркаде выдаст дочку за этого счетоводишку? Хорош жених, получает-то каких-нибудь полтораста франков в месяц! (Читает газету.)

Тереза. Как бог свят выдаст. Уж так они обожают друг дружку. Барыня вечерами дома не сидит, так она и знать ничего не знает. Минар приходит, когда барышня остается одна, а как они меня в свои дела не посвятили, я норовлю войти к ним, нарочно мешаю, подслушиваю. Ну, они настоящие паиньки! Барышня-то у нас дурнушка, вот ей и хочется, чтобы ее любили ради ее самой. Сидит, фарфор расписывает, а кавалер ей в это время книжку читает, третий месяц одну и ту же. Зато барышня всегда вправе сказать: «Мамаша, господин Минар, мол,

приходил вас проведать; а я его вместо вас приняла».

Виржини. Ты слышала, о чем они говорят?

Тереза. Еще бы не слышать! Барышня боится, как бы чего не вышло, и поэтому дверей не затворяет.

Виржини. Хотелось бы мне знать, о чем это говорят господа, когда ухаживают.

Тереза. Всякий вздор мелют! Все больше о возвышенном.

Жюстен. Ловко сказано!

Тереза. Я вот списала одно его письмо… может, и мне когда пригодится.

Виржини. А ну-ка прочти.

Тереза. «Ангел мой…»

Виржини. Поди ж ты – «ангел»!

Тереза. Ох, как обнимут вас да как скажут: «Ангел мой», – вот приятно!.. «Ангел мой, да, я люблю вас; но любите ли вы меня, можете ли любить такое обездоленное существо, как я? Вы полюбили бы меня, если бы знали, сколько любви таится в душе отверженного до сей поры юноши, для коего любовь – единственное его достояние. Вчера я прочел на вашем челе лучезарную надежду: я поверил в грядущее счастье; мои сомнения вы превратили в уверенность, мою слабость – в силу – словом, взоры ваши излечили меня от недуга сомнений!..»

Виржини. Прямо в голове путается, ничего и не поймешь. Да разве влюбленные так мямлят. Влюбленный без обиняков выражается. Вот, скажем, я получила письмецо от одного красавчика; должно быть, он студент из Латинского квартала. Тут таинственности никакой нет, все ясно, так что и обидеться нельзя. Я его наизусть выучила: «Очаровательница! (Это почище вашего «ангела»!) Очаровательница! Не откажите мне в свидании, заклинаю вас! Любой на моем месте написал бы, что ему нужно сказать вам тысячу разных разностей. Я же

скажу лишь одно, зато скажу тысячу раз, если вы только не остановите меня на первом же разе». И подписано! «Ипполит».

Жюстен. Ну, и что же он говорил? Остановили вы его?

Виржини. Да я его больше и не видела. Он меня поджидал в «Хижине»[3 - «Хижина» – зал для публичных балов в Париже и сад при нем.], узнал, кто я такая, и, дурак эдакий, посовестился моего хвартука.

Жюстен. А вот послушайте, что рассказал мне папаша Грюмо! Вчера, пока мы бегали по поручениям, сюда в кабриолете приехали два каких-то вертопраха; их грум сообщил папаше Грюмо, что один из этих господ собирается жениться на мадемуазель Меркаде. А наш-то барин дал папаше Грюмо на чай сто франков!

Виржини и Тереза(в изумлении). Сто франков!

Жюстен. Да, сто франков, не пообещал, а дал наличными! Ну, понятно, у папаши Грюмо язык развязался, он и сообщи груму-то, будто случайно проболтался, что хозяин наш до того богат, что даже сам не знает, сколько у него капиталу.

Виржини. Это, надо полагать, те самые молодые люди в желтых перчатках и в шелковых жилетах с цветочками, нарядные этакие жилеты; кабриолет блестит, словно атлас, а у лошади вот тут (показывает на ухо) нацеплены розы. Вожжи держал мальчонка лет восьми, белокурый такой, кудрявенький, в сапожках с отворотами; этакий постреленок, и уж избалованный же… Чистый херувимчик, белье на нем белоснежное, а ругается, что твой извозчик. А хозяин его – уж такой прекрасный молодой человек, в галстуке вот какие большущие бриллианты, – так он тебе и женится на нашей барышне! Да подите вы!..

Тереза. Ни в жизнь не женится! Да у нее на лице написано: я, мол, бесприданница! Подите вы!

Виржини. Зато поет хорошо. Иной раз слушаешь ее, и так приятно становится. Хотелось бы мне научиться петь, как она: «Тяготит меня богатство».

Жюстен. Вы не знаете господина Меркаде!.. Я служу у него уже шесть лет, видел я, как он, разорившись, отбивается от кредиторов, и считаю, что он

способен на все, даже разбогатеть может… Только подумаю: «Ну, пропал!» – на всех дверях объявления о торгах; повесток пришлют столько, что выкинь я половину, он бы и не заметил, а он, гляди, опять вынырнул, всех одолел. Уж очень горазд на выдумки! Вы-то газет не читаете! А он там каждый день новое пишет: то деревянные мостовые, то еще какие-то; герцогства, мельницы и даже прачечные – и все на паях… Ловкач, доложу вам! Никак не пойму, где в его суме прореха. Уж сколько он ее ни наполняет, – а она ничего не держит, словно треснутый стакан. С вечеру ложится спать, так ровно мертвец, а наутро, глядишь, просыпается миллионером, если только он вообще ночью спал; ведь он страсть сколько работает: считает, высчитывает, пишет разные объявления, – ну пайщики и попадаются вроде как в волчий капкан; но сколько дел он ни заводи – кредиторы у нас не переводятся, он их за нос водит, он ими как хочет вертит. Иной раз видишь: пришли. Ну, кажется, все с собой унесут, самого его в тюрьму засадят. А он поговорит с ними… и под конец вместе хохочут и расходятся закадычными друзьями. Сначала кредитор вопит не своим голосом, грубит, а уходит, так барина «дорогой мой Меркаде» называет, руку ему жмет. Уж если человек умеет усмирить такого, как Пьеркен…

Тереза. Прямо тигр, одни тысячефранковые кредитки жрет.

Жюстен. Несчастного дядюшку Виолета…

Виржини. Ах, горемыка! Каждый раз думаю, надо бы его тарелкой супа попотчевать.

Жюстен. Гуляра!

Тереза. Гуляра? Да Гуляр и с меня не прочь бы процент получить.

Жюстен. Что ж, он мужчина богатый, холостой! Так почему бы вам…

Виржини. Барыня идет!

Жюстен. А ну, постараемся осторожненько разузнать что-нибудь о сватовстве.

Явление третье

Те же и г-жа Меркаде.

Г-жа Меркаде. Где барин?

Тереза. Вы, барыня, сами оделись и мне не позвонили?

Г-жа Меркаде. Я увидела, что господина Меркаде нет, взволновалась и… Жюстен, вы не знаете, где барин?

Жюстен. Я вошел в комнату, когда барин разговаривал с господином Бредифом и они…

Г-жа Меркаде. Хорошо, хорошо.

Жюстен. Барин еще не выходил из дому.

Г-жа Меркаде. Спасибо.

Тереза. Вы, барыня, видно, убиваетесь, что торговцы ваших заказов не исполняют?

Виржини. А знаете ли вы, барыня, лавочники-то больше не…

Г-жа Меркаде. Да, да, понимаю.

Жюстен. Всему виною кредиторы. Ах, кабы знал я, какую с ними шутку сыграть!

Г-жа Меркаде. Самое остроумное – с ними рассчитаться.

Жюстен. Вот бы они удивились!

Тереза. И огорчились бы! Не знали бы, как время убить.

Г-жа Меркаде. Я не хочу скрывать от вас, что дела моего мужа очень меня беспокоят. Нам, несомненно, понадобятся люди преданные. Надеюсь, мы можем рассчитывать на вас?

Все. Ах, барыня…

Г-жа Меркаде. Барину необходимо выиграть время; в голове у него множество проектов… Исполняйте в точности все его приказания.

Тереза. Еще бы, барыня! Мы с Виржини готовы для вас и в огонь и в воду…

Виржини. Я тут только что говорила, какие, говорю, хорошие у нас господа; вот только бы они разбогатели, а тогда, небось, не забудут, как мы помогали им в беде.

Жюстен. А я говорил, что, пока у меня будет чем жить, никуда я отсюда не уйду; я предан барину всей душой, и я уверен: когда ему подвернется настоящее выгодное дельце, он нас не обойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

…англичане – старинное народное прозвище жестоких кредиторов.

2

Робер Макэр – герой пьесы Антье, Сент-Амана и Полианта «Адретская гостиница»; тип пройдохи, хвастуна, вора и убийцы.

3

«Хижина» – зал для публичных балов в Париже и сад при нем.

Купить: https://tellnovel.com/onore-balzak/delec

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити